

Борис Алексеев

Свобода воли

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А47

A47 **Алексеев Б.**
Свобода воли / Борис Алексеев — М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «
Книга по Требованию», 2021. — 100 с.

ISBN 978-5-00143-080-3

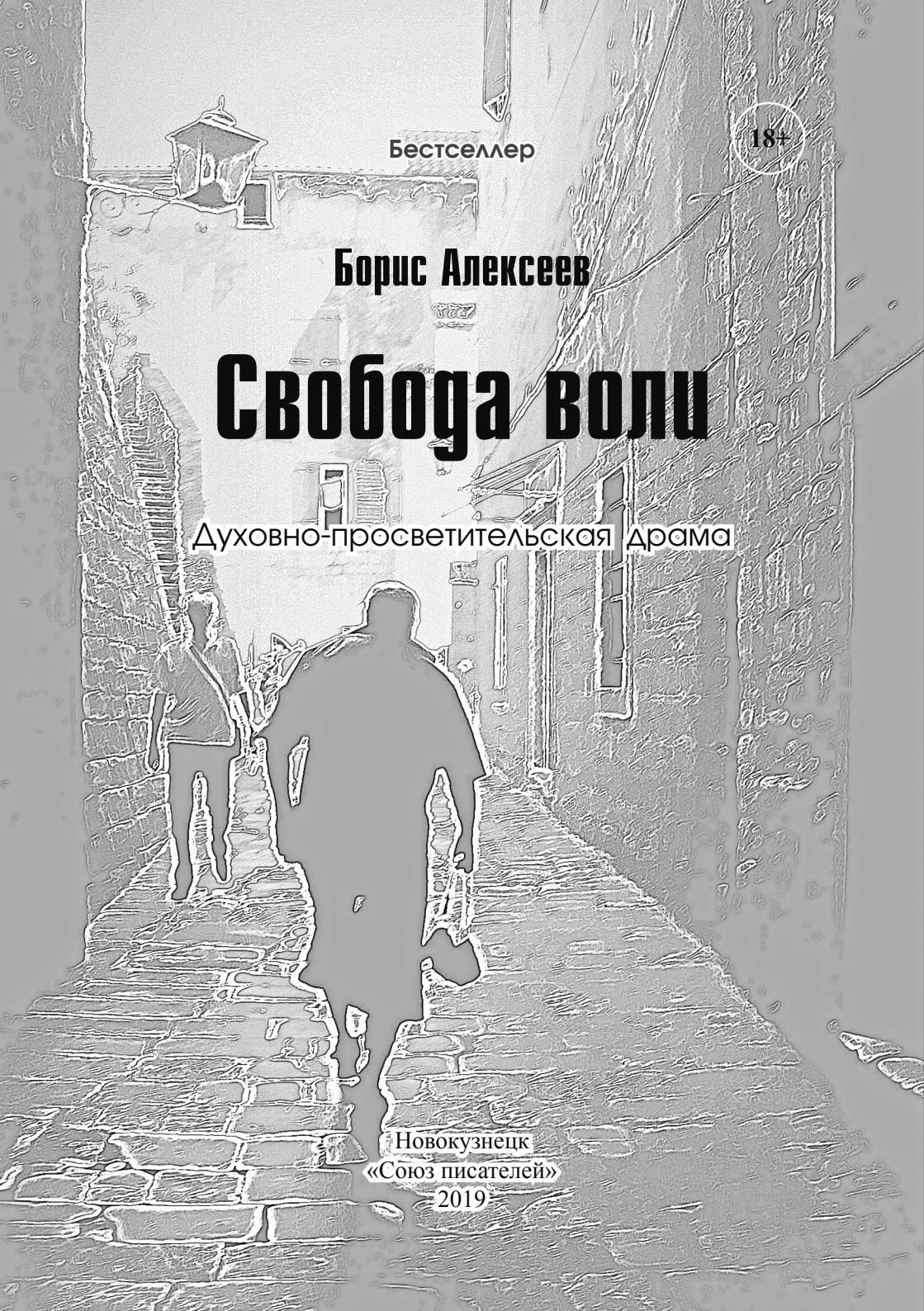
"«Свобода воли» — повесть о человеке, который прошёл адовые круги житейского невезения, волей случая оказался реスペктабельной медиа-персоной и по доброй воле отступил от «хлебного места» ради таких понятий, как честь, совесть и правда. Доминанта текста — психологический диалог. Перед читателем «прозвучат» речи об устройстве и смысле жизни, о либеральных и национальных воззрениях на будущее России, об их взаимной непримиримости. И, конечно — о любви и благородстве человеческой души. Многие из героев повести напоминают известных персонажей русской литературы. Например, в образе бомжка Захария трудно не узнать толстовского Платона Карагаева, а в испуганном и в то же время восторженном персонаже Флавии — гоголевского «маленького человека». В финальном монологе Флавий открывает нам смысл названия повести. Приведём отрывок из его слов:

— Свобода воли — это наша жизненная сила! Строго говоря, никакая это не свобода, а обыкновенный кислородный шланг. Бог погружает нас в мутные воды Житейского моря, даря Свою Жизненную силу в качестве человеческой свободы воли. Если мы забываем Бога, то лишаемся Его живительного кислорода и гибнем от удушаья в пучине страстей и искушений.

Это именно то, отчего свирепеют демократы и либералы всех мастей. По их «просвещённому» мнению, свобода воли — это удавка, собачий поводок, который необходимо сбросить, чтобы стать истинно свободным. Сердечная гордыня не позволяет им видеть источник жизни в общении человека с Богом! Автор повести — Борис Алексеев, член Союза писателей России, в прошлом физик, художник, иконописец, бард и шлифовщик литографических камней."

ISBN 978-5-00143-080-3

© Lennex Corp, 2021
© Б. Алексеев, 2021

Бестселлер

18+

Борис Алексеев

Свобода воли

Духовно-просветительская драма

Новокузнецк
«Союз писателей»
2019

УДК 82-31

ББК 84 (2 РОС=Рус)

А47

Алексеев, Борис Алексеевич.

А47 Свобода воли: духовно-просветительская драма /

Б. А. Алексеев. — Новокузнецк: Союз писателей,
2019. — 100 с.

ISBN: 978-5-00143-080-3

«Свобода воли» — повесть о человеке, который прошёл адовые круги житейского невезения, волей случая оказался респектабельной медиа-персоной и по доброй воле отступил от «хлебного места» ради таких понятий, как честь, совесть и правда.

Доминанта текста — психологический диалог. Перед читателем «прозвучат» речи об устройстве и смысле жизни, о либеральных и национальных воззрениях на будущее России, об их взаимной непримиримости. И, конечно — о любви и благородстве человеческой души.

Многие из героев повести напоминают известных персонажей русской литературы. Например, в образе бомжа Захария трудно не узнать толстовского Платона Каратаева, а в испуганном и в то же время восторженном персонаже Флавии — гоголевского «маленького человека».

В финальном монологе Флавий открывает нам смысл названия повести. Приведём отрывок из его слов:

— *Свобода воли — это наша жизненная сила! Строго говоря, никакая это не свобода, а обыкновенный кислородный шланг. Бог погружает нас в мутные воды Житейского моря, даря Свою Жизненную силу в качестве человеческой свободы воли. Если мы забываем Бога, то лишаемся Его живительного кислорода и гибнем от удушья в пучине страстей и искушений.*

Это именно то, отчего свирепеют демократы и либералы всех мастей. По их «просвещённому» мнению, свобода воли — это удавка, собачий поводок, который необходимо сбросить, чтобы стать истинно свободным. Сердечная гордыня не позволяет им видеть источник жизни в общении человека с Богом!

Автор повести — Борис Алексеев, член Союза писателей России, в прошлом физик, художник, иконописец, бард и шлифовщик литографских камней.

УДК 82-31

ББК 84 (2 РОС=Рус)

ISBN: 978-5-00143-080-3

© Алексеев Б. А., текст, 2019

© Оформление. Издательство «Союз писателей», 2019

© ИП Суховейко Д. А., 2019

Глава 1

Часть 1. Странная закономерность

Странная закономерность выпорхнула из прожитых лет Анатолия. Чем настойчивее он пытался решать какие-либо житейские проблемы, тем большее невезение сопутствовало всем его начинаниям. Дни, месяцы и даже годы тянулись однообразным калейдоскопом промахов и неудач. Усталый, с грузом печальных воспоминаний об очередном не лучшем дне, Анатолий возвращался по вечерам домой. И единственной заботой его ума было желание поскорей обрести тихое, спокойное одиночество. Он сторонился бестолковых разговоров с соседями, запирался в своей крохотной девятиметровой комнатке и размышлял.

— Как так?! — сокрушался Анатолий. — В моих действиях не было ничего предосудительного. Ведь я сказал правду, сказал то, о чём просто молчали другие!..

— Толян, не лез бы ты на рожон. Пойми, с начальством не поспоришь! — возражали ему в курилке сослуживцы, дружески похлопывая по плечу. — Невезучий ты какой-то. А так, вообще, — молодец!

— Так я же не за себя, за вас хотел... — оправдывался Анатолий.

— А вот это ты зря, — хмурились сослуживцы, — тебя никто не просил браниться с начальством от нашего имени. Экий ты чудак. Вроде молодец, но чудак, опасный чудак!

Действительно, тот, кто идёт в одиночку против встречного потока житейских вод, всегда кажется чудаком. Не стала исключением из этого правила и судьба Анатолия. С ранних лет он привык рассчитывать только на собственные силы. Этому способствовали разбитые семейные отношения, грызня родителей и, как следствие, мрачный период отрочества. Но более всего стремление подрастающего Анатолия к внутреннему уединению укрепила изменчивая, ещё неспособная к высокому благородству юность. Сколько раз он шёл на риск, уверенный, что друг, если потребуется, прикроет ему спину. Увы, слишком часто случалось непредвиденное. Анатолий падал, получив внезапный тычок судьбы, а товарищ, которому он доверил себя, беспечно шёл дальше.

Первое время Толя взывал к справедливости, настаивал, убеждал. Но потом понял: когда в отношениях между двумя людьми случается подобная «непонятка», кричи не кричи — бывший визави не услышит тебя.

Анатолий долгое время винил в своих неудачах людей, обстоятельства, даже государство с его странными руководителями. Но постепенно претензии к жизни обезличивались и в итоге уступили место злому и неподкупному року.

Ох, уж этот рок судьбы! Подобно быку, оказавшемуся на сцене во время кульминации любовной истории, рок парализует зрителей своим нежданным свирепым видом. С одной стороны, на сцене в сверкании театральных рамп животное представляет собой жалкое и смешное зрелище. С другой стороны, бык с его наставленными на зрителя рогами, свирепой башкой, опущенной вниз и изготовленной к удару, грозным трепетанием холки становятся символом чего-то сильного, непредсказуемого и страшного.

Да, рок непредсказуем. Помнится, автор этих «судьбоносных» размышлений, наступив однажды на внушительного размера змею, застыл в скорбном недоумении, глядя на встревоженный, как наконечник стрелы, язычок рептилии...

Невезение Анатolia доходило до крайне неприличных размеров. Если он торопился, то обязательно путал порядок пуговиц на пиджаке и выходил «в свет», не замечая перекошенной на теле одежды. Если ловил такси или хотел поменять в «валютнике» деньги, то с лёгкостью мог потратить на поиски полдня и не найти ни одного обменника или свободного таксомотора. Зато когда эти прелести жизни были не нужны,казалось, городская инфраструктура состоит только из освободившихся такси и гостеприимных пунктов обмена валюты!

Анатолий был верующим человеком. Забываясь в молитве, он на время освобождал ум от страха перед роковым приближением очередной беды. Но по окончании молитвенных упражнений неприятности, как изголодавшиеся звери, вновь набрасывались на него и рвали на части тихую светоносную ауру намоленного состояния души.

Временами силы оставляли Анатоля, он отступал от правды и пытался договориться с постылой бабой-невезухой, даже медитировал. Но после двух-трёх сеансов медитации его «сияющая лучами счастья» биография обрастала новыми неудачными подробностями.

В конце концов наш герой осознал простую истину: причиной всех житейских нестроений является он сам. Да-да, именно в нём таится корень тотального биографического невезения.

Откуда корешок? Возможно, Анатолий поднял его с земли по неосторожности или любопытству — мало ли невезучих корешков по России разбросано? После разобрался, сбросил «находку», но следок на руке прижился, росток пустил.

«Ничего, — думал он, — ненадолго всё это. Подгниют корешки, невезуха сама и отвалится». Но вышло наоборот.

Плоды личной несвободы наглядно проявили себя обычновенным воскресным утром. Анатолий собирался в церковь на раннюю исповедь к восьми часам. Стрелки часов приближались ко времени, когда следовало выходить из дома. Вдруг его любимый рыжий кот Везувий опрокинул со шкафа икону в дорогом старом киоте. При падении стекло киота разбилось, а ящик вызывающе треснул. Икона, скрытая в киоте, не пострадала, но само падение святого образа, да ещё в праздник воскресного дня, стало событием крайне неприятным.

— Ну вот, началось... — выдохнул Анатолий, подбирав осколки стекла и отломившиеся кусочки киота. Вдруг чёрная кровь ударила ему в голову. Он повернулся к Везувию и, не скрывая раздражения, гаркнул во весь голос:

— Да чтоб тебя нелёгкая одолела, мерзавец!

Наспех собрав в ладонь фрагменты разбитого киотного ящика, он встал с колен и оказался аккурат перед зеркальным фасадом шкафа. Анатолий поглядел на своё возбуждённое отражение и горестно заключил:

— Хорош гусь! На причастие собрался, а брата неразумного готов от злости порвать. Да кто ж тебя такого исповедовать станет? В шею погонят, и весь сказ...

Праздничное утро оказалось испорченным. Анатолий выпил стакан кефира (какое уж тут причастие!) и, затаив обиду то ли на себя, то ли на горестное стеченье обстоятельств, отправился в храм постоять да помолиться, — может, отойдут, забудутся неудачи дня.

Часть 2. Дерзни чуток...

— Так жить нельзя! — стараясь не заплакать, Анатолий уткнулся лбом в подушку. — Думай, Толян, думай! Или скажи всем «чахо!» и...

Минуту он лежал молча, сдерживая подступившее рыдание. Затем перевернулся на спину и уставился в потолок.

— Что «и...»? Всё можно одолеть, претерпеть, наконец, но как изменить себя в себе самом, ведь я же сделан из невезучего материала!

«А ты дерзни чуток», — послышался голос.

— Как это?.. Стоп! Кто здесь?

Анатолий соскочил с кровати и обвёл комнату встревоженным взглядом.

«Дерзни чуток! Измени себя сам, перелепи...» — откликнулся из ниоткуда тот же голос.

Не понимая, что происходит (хотя всё элементарно, — скорее всего, он просто спит), Анатолий немного успокоился и продолжил странный разговор.

— Что значит «перелепи»? Меня слепил Бог, а ты предлагаешь...

«Тот же Бог вручил тебе свободу воли — пользуйся! Ты, я вижу, не очень-то в жизни преуспел, и терять тебе нечего! А значит, рискуй — ниже дна не опустишься».

— Э, нет! — Анатолий сдвинул брови. — Невезучий я, это верно, но душа моя чиста! Ты же предлагаешь пойти против Бога, а значит, и её сделать невезучей?

«Не надо никуда и ни против кого ходить! Все мы у Всевышнего на ладони, не спрячешься. Бог дал тебе жизнь. Он же выгнал тебя из рая затем, чтобы ты не путался у Него под ногами и, как щенок, не выпрашивал подачку. Он сказал: «Живи своим умом и будь счастлив в поте лица твоего».

Голос набирал обороты.

«Тебе дана свобода воли. О, это щедрый подарок Всевышнего! Воля — твоё первейшее оружие. Победи! Победи, наконец, свою трехлятую невезуху!»

Голос выдержал паузу и подытожил:

«Для этого ты должен изменить себя. И Бог тут совершенно ни при чём. Дело это житейское, не первородное».

Анатолий долго смотрел в направлении, откуда только что слышался голос. Но было тихо.

— Он прав, чёрт возьми! — решил наш герой и даже не заметил, что впервые за много лет помянул чёрта. — Завтра же иду на фитнес, а с утра (он ухмыльнулся) сбегаю на зарядку. Точно. Надо малость «перелепиться»!

Утром следующего дня он проснулся по будильнику раньше обычного, накрою оделся и хотел было отправиться на пробежку, но услышал за окном перестук начинающегося дождя. «Э-э, — опустил руки Толян, — всё как всегда. Не вышло».

Анатолий разделся, переставил стрелку звонка на привычное время, закутался в одеяло и уснул, отложив на сорок минут начало дня со всеми его будущими неудачными подробностями.

Действительно, в тот день у него вышла крупная промашка с работой. Ему предложили уволиться по собственному желанию, вернее, по желанию начальства. Обещали дать положительную характеристику и даже выплатить премию, если в кассе окажутся свободные деньги. Увы, свободных денег в кассе не оказалось, а характеристику, которую должна была настроить секретарша Светка, он так и не получил по каким-то внутренним несросшимся обстоятельствам.

Короче говоря, выдала кассирша Клавдия, женщина обстоятельная и холодная, ему двенадцать тысяч рублей за отработанную треть месяца. Лёшка, напарник, снял с расчёта три тысячи на прощальный посошок, а Валентин Сергеевич, начальник месткома, припомнил давний долг в тыщу двести на общие нужды. Какие нужды?..

Обидно стало Анатолию. Конечно, он понимал, что рано или поздно уйдёт, вернее, его уйдут, но чтобы многолетние сослуживцы провожали его так мелочно и по-свински, этого он не ожидал. «Век живи, век удивляйся», — подумал Анатолий, выходя из офиса.

На лестнице ему встретился оборотистый Лёшка.

— Толян, ты чего? — выпалил тот.

«Да пошли вы все!» — огрызнулся про себя Анатолий.

Впервые за много лет (если не вспоминать реакцию на поступок Везувия) его душу разобрала глухая нарастающая злость. Анатолий чуть не задохнулся от метнувшейся к горлу крови.

— Ждут меня, понимаешь, ждут! Нужен я!

— Где ждут?.. — Лёшка отпрянул, громыхнув бутылками.

Но Анатолий не ответил. Он уже бежал по ступеням нижнего лестничного пролёта и не слышал, как бывший сослуживец хмыкнул ему вслед:

— Да, невезуха — баба с вывертом!

В тот же день вечером Анатолий отправился на фитнес. Купил недорогой трёхмесячный абонемент в общий тренажёрный зал с правом заниматься в местной секции айкидо. Как раз в этот день по расписанию значилось очередное занятие.

Разогревшись в зале, Анатолий спустился в назначенное время в цокольный этаж и оказался в небольшом уютном помещении. На татами рядом сидели порядка десяти учеников в белых торжественных кимоно. У стены стоял учитель (правильнее сказать сэнсэй) в ещё более ослепительном кимоно, расшитом крупными цветами, и что-то тихо рассказывал.

— Можно? — спросил Анатолий, стыдясь своего порядком заношенного спортивного костюма.

— Проходите, — ответил сэнсэй. — Слушайте и запоминайте.

На втором часу занятия учитель велел всем подойти к стене. Разбив учеников на пары, он показал, как делать болевой захват руки соперника если тот оказывает сопротивление.

— Вы стоите у стены плача. Работаем в полную силу.

Первым атаковать досталось по жребию напарнику Анатолия. Несколько минут он пыхтел и безуспешно пытался провести приём.

Автор забыл упомянуть, что Анатолий от природы обладал недюжинной силой. Его неуверенность в себе и покорность «случайным» вывертам судьбы казались настолько неубедительными при взгляде на его рост и обширные плечи, что впору вспомнить Маяковского, его гениальное «Облако в штанах»: «Откуда большая [любовь] у тела такого: должно быть, маленький, смиренный любёночек».

Напарник, как ни тужился, ничего поделать с рукой Анатолия не мог. В конце концов, отчаявшись провести приём, он позвал сэнсэя.

— Как это не можете? Ну-ка дайте!

С этими словами айкидошник обхватил своими тонкими жилистыми ручонками огромную ручищу Анатолия и резко повернул её в какой-то неестественной внутренней плоскости.

В принципе, он выполнил движение, о котором и рассказывал ученикам. Но в его действиях присутствовал (как бы поточнее выразиться?) некий профессиональный шарм. Помните сказку про репку? Вот-вот, именно мышка и решила исход дела! Смысл этого персонажа недоступен новичку до тех пор, пока он сам не попробует выдернуть свой личный «житейский корнеплод».

... В следующее мгновение Анатолий провалился в бездонную чёрную дыру и на время потерял сознание.

— Ну что, новичок, оклемался? — сэнсэй участливо наклонился над Анатолием. — Ты какой-то невезучий. Я первый раз промахиваюсь в силе. Уж прости, на тебя пришлось.

Тренировка подходила к концу. Анатолий не стал дожидаться финального ранжира и отправился в раздевалку. Одеваясь, он заметил, что правый локоть не держит усилие. Это была именно та рука, к которой приложился сэнсэй. «Ладно, дома разберусь», — решил Толян, кое-как накинул на одно плечо пальто и направился к выходу.

Дома перед зеркалом он внимательно оглядел повреждённую руку и обнаружил, что из локтевого сустава вместо плавного закругления торчит острыя, как гвоздь, кость.

— Ё-моё! — присвистнул Толя. — Он же мне всю суставную сумку порвал...

Рука, действительно, отказывалась слушаться. Он попробовал отжаться от пола — локоть не держал вес тела.

— Ну и денёк! — густые слёзы навернулись на глаза Анатолию. — Что скажешь, брат Толян? Не заладилась технология «я умнее Бога», а? Я-то, дурак, уши развесил...

Взгляд Анатолия уткнулся в потолок. В центре серого замыгтанного прямоугольника покачивалась простенькая потолочная люстра.

«Крюк прочный, выдержит... — мозг Анатолия размышлял короткими отрывистыми фразами: — Табуретка есть. Так, что ещё? Ах да, верёвка. Бельевая не пойдёт, тонковата. — С минуту он думал. — Есть! Есть у меня одна верёвочка!.. Что? Что такое?»

В дверь стучали. Перестук сопровождался негромкими покашливаниями. Анатолию стоило труда переключить сознание на призывные звуки из коридора.

— Это ты, Флавий? Входи, молчун, — выдохнул хозяин комнаты, радуясь, что судьба предоставила ему некоторое время (последнее!) для продолжения жизни.

Часть 3. Собеседники

— Толь, можно к тебе? — В щель между косяком и приоткрытой дверью протиснулся щуплый мужчина средних лет. — Ты прости, не могу один. Как клещами, сдавило.

На пороге комнаты стоял одинокий Флавий, печальный и такой же, как Анатолий, никому не нужный человек. Год назад он въехал в соседнюю комнату после смерти бабы Дуси. С той поры в квартире стало проживать сразу два безрадостных молчуна. Третьим жильцом, вернее жиличкой, была полуумная тётя Нида (в народе — Гнида). На появление в квартире Флавия она отреагировала довольно парадоксально.

— Толя! — воскликнула она, указывая на Флавия. — Нас стало слишком много. Предлагаю умирать по очереди!

— Толь, не гони, а... — сосед застыл в полудвижении.

— Да уж заходи, коли вошёл, — миролюбиво ответил Анатолий, подавая гостю стул.

— Я тут принёс чуток. — Флавий поставил на стол литровую бутыль мутноватой самогонки и плетёное лукошко с деревенской съестной всячиной. — Вот, брат заезжал, привёз. Мне одному не одолеть — помру! Дай, думаю, к соседу на огонёк зайду. Побалакаем с ним, полюбезничай-

ем, глядь, слово за слово — хвороба-то и оттянется, отпустит нелёгкая хоть на малость.

— Скажу тебе по-соседски, — усмехнулся Анатолий, — я нынче со-беседник неважный. Уж больно день не задался. Про таких, как я, говорят: «Не повезло — на ветру штаны порвал». Оно тебе надо, Флавий? Ты лучше телевизор включи, на клоунов глянь, может, и полегчает. Со мной-то зачем?

— Выслушай меня, Толя, — просительно взглянул Флавий. — Я к тебе поплакаться пришёл. В гробу видал я этих клоунов. Выпьем, со-седушка, по единой!

«Ладно, — подумал Анатолий, — встать на табуретку я всегда успею».

— Фла, а давай-ка сперва я тебе сказ расскажу. Сказ правдивый, так сказать, доморощеный. Наливай! — Анатолий посмотрел в потолок, печально улыбнулся и подсел к столу. — Вот слушай...

И покатился рассказ, как клубок, издалека. От самых школьных лет, когда он, здоровый парень, в классе оказался отверженным. А причиной нестроения в коллективе стала его гипертрофированная стеснительность.

Отец Толика вечно был в делах, сыном не занимался, не научил смотреть на жизнь прямо и не работаленно. От первых неудач в общении со сверстниками парень закомплексовал. Подростковое стеснение, как дально, обложило поступки юноши и сжало круг его социальной жизнедеятельности.

Девочек он избегал. Отдельные инциденты, возникавшие, так сказать, при лобовом столкновении, заканчивались смущением и позорным бегством Толяна под скаредные насмешки одноклассников.

Он не мог связать двух слов у доски на уроках литературы, если надо было разобрать романтические мотивации героев. Например, «отвечая» тему «Объяснение в любви Петра Гринёва и Маши», Толя в течение пяти минут не проронил ни слова. Когда же Марья Ивановна встала из-за стола, подошла к нему и тихо, чтобы не слышал класс, спросила, почему он молчит, юноша, сбиваясь и краснея, ответил ей: «Марья Ивановна, простите, об этом нехорошо говорить вслух». Тогда учительница достала пачку сочинений, нашла работу Анатолия и прочитала внушительный отрывок, посвящённый теме любви в повести «Капитанская дочка». Окончив читать, она поглядела на притихшие ряды учеников и увидела то, что наполнило её сердце радостью. Тихой материнской радостью за смутившегося у доски малознакомого ей долговязого паренька.